

Звено Перевезенцева

Потянуло нынче весной Василия Ефимовича в колхоз, мочи нет, как потянуло, прямо за сердце взяло. Перевезенцев не молод — пятьдесят давно стукнуло, десять лет управлял колхозом, всю отечественную войну председателем сельского совета работал, в партию вступил. Потом заболел, а как выздоровел — направили его в районный дорожный отдел. Работа, слов нет, обществу полезная, да не по душе. И загрузил было Василий Ефимович.

А тут решения февральского пленума ЦК... Ещё пуще разгорелось сердце. Дела-то какие в деревне предстоят — дух захватывает. Колхозники самому товарищу Сталину письма пишут, обязательства берут — кто больше хлеба вырастит. Колхоз Василия Ефимовича обязался с 92 гектаров дать по сто двадцать пять пудов зерна. «Можно бы и побольше, коли руки к земле как следует приложить» — прикинул Перевезенцев. И стало ему совсем не вмоготу работать в дорожном отделе. Добился он возвращения в свой колхоз.

— Давай работу, Фёдор Андреянович, — пристал он к председателю Любавину. — Выдели-ка мне звено, сделай милость.

— Пожалуйста, — ответил тот. — Кого тебе? Выбирай.

— А без выбора... от моей избы прямо по посадку кто живёт, тех и записывай.

— Да ведь старухи...

— Вот и хорошо!

Так возникло в колхозе «Борьба», Переславского района, звено Перевезенцева, семнадцатое по счёту.

На взгорье, под самым городом, раскинулся колхоз. Издалека виден его железный ветряк, точно жар-птица в небе. Под стая и постройки: голубая, в резных украшениях, как маленький дворец, электростанция, просторное, новое, с голубыми наличниками окон, здание правления и клуба, под одной крышей, обнесённое палисадом, добротные склады, фермы, скотные дворы, конюшни. А вокруг — три деревни из хороших изб и все с голубыми, любовно раскрашенными наличниками.

— Голубое нам к лицу... душу веселит, — посмеиваются колхозники, когда их спрашивают приезжие — откуда такая привязанность к поднебесной краске.

Гордятся колхозники и своим хлебом — пшеницей и рожью.

— Наше золото, — говорят они, — наше богатство.

* * *

Не всегда было так. Но лишь пожилые помнят прошлое, как гнала безземелица в город мужиков — ломовыми извозчиками и грузчиками. Иной раз председатель колхоза Любавин, рослый, могучей силы и спокойствия человек, расскажет ребятам, как 12-летним парнишкой гнул он спину на Борисовской фабрике, а потом батрачил в пастухах. Да ещё Перевезенцев, припомнив к случаю сказы деда ли, бабушки ли про самую даль — крепостничество, обмолвится, что неспроста такую фамилию носит. Проиграл, слышь, когда-то барин в карты мужиков своих крепостных, перевезли их сюда, и пошли тогда Перевезенцевы.

Слушает молодёжь про старое — мураши по коже бегут. Комсомольцы они, и всё им это вроде бы известно из книг, а за сердце хватает. И новыми глазами, точно прозрев, смотрят они на окружающую жизнь. И понятней им и дороже всего на свете то великое дело, за которое дрались их отцы тридцать лет тому назад, за которое сложили головы братья совсем недавно, в отечественную войну. И не знают устали руки в колхозном труде.

Когда со славой вернулись фронтовики домой и партия выдвинула перед колхозным крестьянством исторические задачи восстановления сельского хозяйства, колхозники артели «Борьба» поклялись товарищу Сталину вырастить много пшеницы и ржи.

В эти горячие дни и возвратился в колхоз старый его председатель Василий Ефимович Перевезенцев.

* * *

Звеньевая система труда и прежде применялась в колхозе, но не было учёта, нельзя было после выяснить в точности, кто же и какой урожай вырастил, кому за стахановский труд премии давать.

И нынче, как собрал своё звено Василий Ефимович, жена его, Татьяна Даниловна, первая сердито заметила:

— По-старому выйдет, бабы, помяните моё слово. Работать — звено, а получать — не оно.

— Как ты можешь так говорить, тов. Перевезенцева, — строго-официально остановил её муж. — Ты послушай, что партия толкует... Не только хлеб, великие награды припасены... всем, кто поработает хорошо.

И он дрожащим от волнения голосом громко, ясно стал читать решения февральского пленума. Отрываясь от газетного листа, искоса смотрел на жену и видел, как пропадало на её старом, милом ему лице сердитое выражение и добрые глаза её начинали светиться. «Понимает она, только с виду, по привычке, перечит... все понимают, все», — думал Василий Ефимович.

Женщины долго молчали. Потом Татьяна Степановна Шуршина тихо, как бы про себя, сказала:

— Всё справедливо... Государству надо помочь, я так понимаю... своему государству. — Она вздохнула и закончила почти шёпотом: — У меня за советскую власть... два сына... головы положили... А мы — о премиях...

Вот тогда и поклялось звено собрать урожай не по 125, а по 150 пудов с гектара.

* * *

Участки колхоз распределил между звеньями по жребью, чтобы обиды никакой не было. Досталась Перевезенцеву рожь, 5,9 гектара, подходящая по земле, а с пшеницей не посчастливилось. Самый плохой клин в 3,1 гектара выпал на долю его звена.

— Ничего, вытянем, — утешил звеньевой своих встревоженных колхозниц. — Не земля родит, а руки. Мы своё возьмём...

Едва сошёл снег, рассеяло звено по пшенице золу, по два центнера на гектар досталось. Вывезли тридцать возов перегноя. Прикинули: маловато! Что делать? Где ещё местных удобрений искать? Вспомнил Василий Ефимович ямы с фекалиями за городом. Посоветовался с агрономом Владимиром Николаевичем Мыльниковым, энергичным и смелым человеком, появившимся с весны в колхозе. Тот одобрил:

— Действуйте! — и подробно рассказал, как надо вносить фекалий на посевах.

Десять автомашин фекалия вывезло звено на пшеницу. Затем женщины граблями, вручную, старательно сняли плесень с земли, разбили, раскрошили сухую корку, а Перевезенцев самолично, в два следа пробороновал участок бороной «зиг-заг», поперёк рядков, как советовал агроном. Вручную пробороновали и рожь.

Весело, приятно было работать наперегонки с другими звеньями, легко и споро. Весна шла с дождями и солнцем, жаворонки звенели в вышине, не умолкая. Густо зеленели посева. Верилось: сдержит народ клятву Сталину, богатый вырастит урожай.

А про минеральные удобрения всё что-то ничего не слышно. Пождал-пождал Василии Ефимович — да в область.

— Помогите пшеницу выходить!

Дали ему наряд в Ростов на две тонны минеральных удобрений. А вскоре и колхоз минеральные удобрения получил и снабдил звено дополнительно.

— Всё спалит! — пугались колхозницы. — Не лишку ли валим, Ефимыч? Ой, беды бы не нажить!

А звеньевой только с агрономом перемигивается.

Вороним стало поле. Догнала перевезенцевская пшеница в росте соседние участки и перегнала. Перо выкинула сизое, большое, чисто петушиное. Как пошли бабы полоть — не нарадуются:

— Лучше всех!

* * *

Лето выдалось знойное, дожди перепадали редко. День-деньской дрожало и горело марево над полями. Серая, чёрствая земля потрескалась и стала как камень. Но рожь и пшеница высились стеной, и синие волны гуляли по посевам, когда набегал жаркий ветер. Отлегла тревога от сердца.

— Выстоит... заправилась на совесть золотая наша благодать! — толковали в звене.

Пшеница и рожь выбросили крупный, почти в мужицкую четверть, колос, дружно отцвели. Зерно наливалось прямо на глазах, отраднотяжёлое.

И пошла слава о звене Перевезенцева по району. Да и на других участках колхоза «Борьба» невиданно-богатые зрели хлеба.

Любо было стахановцам выйти в поле в ранний утренний час. Заласканные солнцем, в жемчужных каплях росы, точно в девичьих праздничных бусах, низко склонялись к сухой земле рожь и пшеница. Коленчатые, прозрачные, точно стеклянные, стебли тихо светились. А в зелёном колючем колосе, как гвозди, торчали зёрна — не сочтёшь. Трудодень обещал быть — и не поднимешь, как в шутку смеялись мужики и бабы.

Но не об этом думало звено, глядя на плоды своего труда. Колхозницам виделись обозы с зерном, которые шли к железнодорожным станциям, на склады и элеваторы. Это была богатая сила их государства. И приятно, радостно было сознавать, что растили и выхаживали эту силу они, простые советские люди.

* * *

...Смолкла молотилка. Звено, тая дыхание, сгрудилось у весов. Василий Ефимович, осыпанный пелёвой, чёрный от загара, торжественно-медленно поставил на весы последний мешок с пшеницей. Мешок потянул без малого пять пудов.

Звеньевой достал из кармана пиджака потрёпанную, без корочек, заветную тетрадку, посплюнул карандаш и углубился в подсчёты. Стало так тихо, что слышно было, как шевелилась и шуршала на ветру солома под ногами.

Все знали, что рожь дала по 30,4 центнера с гектара. Но пшеница, колхозное золото, — что-то она покажет?

— Два ста... и восемь пудов... с гектара... — сказал Перевезенцев дрогнувшим голосом, пряча тетрадку за пазуху.

Это была победа.

В. Смирнов.

5 пудов — 82 кг.

125 пудов — 2 048 кг.

150 пудов — 2 457 кг.

208 пудов — 3 407 кг. — *Ред.*